

дочь конюшенного офицера Любовь Васильевна Янцева (1811-1891), сочетавшаяся в 1831 г. браком с Александром Аркадьевичем Суворовым (1804-1882) – внуком знаменитого фельдмаршала, принесшим в Петербург весть о подавлении Польского восстания.

¹¹ Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. Лейпциг, 1862. Т. 2. Поход Забалканский. С. 16-18.

¹² Курсив наш. – Л.П.

¹³ Здесь имелись в виду Александра Осиповна Россет, Любовь Васильевна Янцева, Екатерина Долгорукая и Александрина Эйлер.

¹⁴ Оленина А. А. Дневник Appette. М., 1994. С. 140.

¹⁵ Курсив в тексте оригинала. – Л.П.

¹⁶ Здесь курсив наш. – Л.П.

А. В. Дубровский (Санкт-Петербург)

КАК МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ ЗАМЕНИЛ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА (К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ ПУШКИНСКИХ ТЕКСТОВ)

Настоящая статья посвящена проблемам фальсификации пушкинских текстов, а также приписывания Пушкину текстов, ему не принадлежащих. И почему в плену такого желания оказываются люди самого различного плана, воспитания, образования, наконец, профессионализма, не говоря уже о разных эпохах: от гоголевского героя Поприщина, записывающего в дневник рядом с понравившимися стихами («Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал») легендарную фразу: «Должно быть, Пушкина сочинение»,¹ до одного из бывших наших сограждан Михаила Армалинского с его «Тайными записками», изданными на многих языках?

Явление, наблюдаемое в отношении ко многим авторам-классикам, приняло необычайно широкий размах по отношению к А. С. Пушкину. В Большом академическом собрании сочинений поэта (1937-1949) помимо раздела «Dubia», включающего двадцать три стихотворения, напечатан список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях, насчитывающий около ста стихотворных и одиннадцать прозаических произведений (XVII, С. 555–558). Но даже этот впечатляющий перечень отражает не более трети от всего массива псевдопушкинских текстов. Значительное количество таких стихотворений, эпиграмм, экспромтов ходило в списках, переписывалось в тетради и альбомы, бывало в устной традиции.

В статье «Несколько слов о Пушкине» Н. В. Гоголь обозначил главную причину этого явления: «Ни один поэт в России не имел такой завидной участи, как Пушкин. Ничья слава не распространялась так быстро. Все кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки его поэм. Его имя уже имело в себе что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь из досужих марателей выставить его на своем творении, уже оно расходилось повсюду».² На протяжении многих десятилетий у читателей поэта создавалась иллюзия, что едва ли не каждое понравившееся произведение, автор которого неизвестен, «должно быть, Пушкина сочинение». Одни считали его автором анонимных политических стихотворений и колких эпиграмм, другие видели в нем творца эротических опусов в стиле И. С. Баркова, третьи – создателя ласкающих слух поэтических перлов. «Мнимый Пушкин» стал литературным двойником поэта, проявляющимся в различных формах и жанрах: в прижизненной печати, в более или менее авторитетных списках, в зарубежных изданиях, в собраниях сочинений, в устном бытовании и т.д.

Приписывание Пушкину чужих произведений началось еще при жизни поэта, но особый размах приобрело после выхода в свет анненковского собрания сочинений, подготовленного по рукописям и установившего основной корпус пушкинских текстов. С этого времени начинается поиск произведений, не вошедших в издание. В 1861 г. Н. В. Гербель в Берлине и Н. П. Огарев в Лондоне выпустили два сборника стихотворений «неизданного Пушкина»³, наполненных вольнолюбивыми и эротическими произведениями, которые в России тайком переписывались от руки. Заграничные издания стимулировали новую волну научного и массового интереса к «потаенному Пушкину». Это нашло отражение в последующих изданиях сочинений поэта. В 1903 г. известный библиограф и издатель сочинений Пушкина П. А. Ефремов сначала в газете «Новое время», а затем отдельной брошюрой опубликовал обзорную статью под названием «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях»⁴. В ней были представлены псевдопушкинские произведения, появившиеся в периодической печати после смерти поэта. Составитель не учитывал рукописные источники, журналы и альманахи пушкинского времени. За пределами обзора остались эпиграммы и экспромты, которых, по словам Ефремова, «было приписано Пушкину такое множество, что их невозможно перечислить в газетном фельетоне»⁵. В XX веке проблемами атрибуции произведений, приписываемых Пушкину, занимались такие ученые, как В. Э. Вацуро, В. В. Виногра-

дов, Н. О. Лернер, Ю.М. и М. Ю. Лотманы, Ю.Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, М.А. Цявловский и др.

Псевдопушкинские произведения нередко обнаруживаются и в наши дни. Особенно охотно новейшие «находки» тиражируются периодическими изданиями в ходе разнообразных пушкинских юбилеев. Как правило, найденные «новые» пушкинские тексты оказываются либо забытыми произведениями поэтов пушкинского (или допушкинского) времени, либо настолько невыразительными в смысловом и художественном отношении, что их апокрифичность очевидна без всяких экспертиз. Обратимся к анализу механизма возникновения псевдопушкинских текстов, порожденных повышенным интересом к харизматической личности первого поэта России.

В альманашную пору (1820 – 1830 гг.) русского книгоиздательства правило “должно быть Пушкина сочинение” имело меркантильную мотивацию, стимулирующую читательский спрос. Так при жизни поэта в популярных альманахах и песенниках с его именем были напечатаны стихотворения В.Л. Пушкина «К Хлое» (“Как все с тобою дух пленяет...”) и «К лире» (“Давно на лире милой...”); В. И. Туманского «Элегия» (“Нужна любовь как воздух ясный...”) и «Моя любовь» (“За днями дни бегут толпой...”); С. П. Шевырева «Свадьба» (“Не невеста с женихом...”); П. Г. Ободовского «Я жду тебя и не дождуся...»; четверостишие Б.М. Федорова «Всегда так будет, как бывало...», входящее практически во все собрания сочинений А. С. Пушкина, и др. Все эти стихотворения лирического содержания и вряд ли следует рассматривать их как попытки литературной фальсификации. Скорее уж – по принципу Поприщина. Реакция Пушкина последовала только на публикацию в 1829 г. в альманахе «Северная звезда» шести его стихотворений вместе с отрывком (под названием «Элегия»), из неопубликованного «вольного» стихотворения П. А. Вяземского «Негодование», подписанных одним и тем же криптонимом «Ап». Сам Вяземский даже не надеялся напечатать свою «Негодяйку», полагая, что за нее можно пострадать подобно А.Н. Радищеву.⁶

Возмущенный произволом издателя «Северной звезды» М. А. Бестужева-Рюмина Пушкин намеревался прибегнуть к «покровительству законов». В сатирических сценах статьи «Альманашник» он представил его в роли беспринципного издателя Бесстыдина. Однако обе статьи: «О публикации Бестужева-Рюмина в “Северной звезде”» и «Альманашник» при жизни поэта остались неопубликованными. В начале 1840-х годов В. Г. Белинский, собирая пушкинские тексты, не вошедшие в посмертное издание, отыскал «Элегию» в «Северной звез-

де» и переписал в свою тетрадь (пушкинисты называют ее «тетрадь А. А. Краевского – В. Г. Белинского»). «Элегия» была принята критиком «Отечественных записок» за лицейское стихотворение Пушкина, не попавшее в посмертное собрание сочинений поэта исключительно по небрежности издателей. Спустя три года после смерти В. Г. Белинского она была перепечатана в «Современнике». Тетрадь А. А. Краевского – В. Г. Белинского впоследствии оказалась у П. В. Анненкова, также попавшегося на удочку Бестужева-Рюмина. Анненков включил «Элегию» в собрание сочинений Пушкина. Под этим названием отрывок из стихотворения П. А. Вяземского «Негодование» входил и в последующие издания Пушкина вплоть до 1882 г.

В рукописных собраниях «вольных» стихотворений действовали несколько иные тенденции. Политический радикализм ряда стихотворений «сам собой» убеждал составителя таких собраний в том, что подобные смелые инвективы могли выйти «только» из-под пера Пушкина, а иногда имя его «затмевало» уже известного в ту пору подлинного автора. В массовом сознании создавался образ «кумира передовой молодежи», который, по словам императора Александра I, «наводнил Россию возмутительными стихами», что нашло отражение в известной фразе Пушкина: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова». «Презрев печать», с именем Пушкина переписывались и распространялись по всей России антиправительственные басни Д. В. Давыдова «Голова и ноги» и «Река и зеркало», отрывки из «вольного» стихотворения П. А. Вяземского «Негодование», «Мысль о свободе» В. Я. Зубова, «Когда мятежные народы» Александра Шишкова, анонимное стихотворение «Ответ масонов», острые политические эпиграммы.

По окончании следствия над декабристами власти не теряли надежды покарать возмутителя спокойствия, привлечь его к громким политическим процессам, установить за ним постоянный надзор. В ход были пущены все средства, имеющиеся в арсенале только что созданного III отделения. Еще в 1824 г. генерал-майор И. Н. Скобелев написал политический донос на жившего тогда в Одессе Пушкина. Скобелев гневно сообщал начальству о распространении возмутительных стихов Пушкина под именем: «Мысль о свободе», назвав их «вредным пасквилом»⁷. В 1826 г. привлеченный всемогущим шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом к политическому сыску Скобелев с помощью созданной им секретной агентуры осуществил новую провокацию по отношению к Пушкину. Пушкинские строфы элегии «Андрей Шенье» (май – июнь 1825), содержащие размышления о Французской революции, были восприняты как

призыв к декабрьскому восстанию. Агент Скобелева А. Ф. Леопольдов, приписал к ним заголовок: «На 14 декабря» и стал распространять как антиправительственные. Следствием жандармской фальсификации стал громкий политический процесс «О стихах на 14-е декабря, находившихся у студента Леопольдова и прикосновенных к сему делу 14 класса Коноплеве и штабс-капитане Алексееве», детально освещенный в печати⁸. Пушкин несколько раз вынужден был давать показания и лично перед Николаем I объяснять происхождение крамольных стихов. Следствие по делу о распространении стихов «На 14-е декабря», пройдя Сенат и Государственный совет, закончилось в августе 1828 г. За Пушкиным был установлен «секретный надзор», отмененный только в 1875 г.(!)

Другая сторона пушкинского мифа: в массовом сознании национальный поэт стал восприниматься как наследник и продолжатель традиций отца русской эротической поэзии И. С. Баркова. Пушкину навязчиво приписывался откровенно похабный «сор и дряг», для лиры даже юного Пушкина нехарактерный, так как в своей эротической поэзии он ориентировался на французскую вольную поэзию XVIII века, чуждаясь непристойного смакования деталей и предпочитая язык недоговоренности и шутивных намеков — для массового сознания это слишком тонкая материя.

Пушкину еще при жизни была приписана пресловутая «Первая ночь», которая стала ходить по рукам после женитьбы поэта, со второй половины 1831 года. Современники поэта, вероятно, соотносили этот эротический текст с пушкинским стихотворением: «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» (списки датируются 19 января 1830 г.). Активное распространение этого стихотворения, по-видимому, было спланировано против Пушкина с целью дискредитировать его в глазах общественности. Именно это и имел в виду В. А. Жуковский в письме к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Множество пьес самых предосудительных, в которых нет ничего похожего на слог Пушкина (как, например, отвратительная пьеса, в которой описывается его первая ночь), ходило под именем Пушкина; литературные враги низкого класса не дремали, и многие из них чернили его доносами»⁹. Тщательно обдумывая каждую фразу своего письма, В. А. Жуковский рассудил, что даже упоминание о «Первой ночи» нанесет вред памяти Пушкина и исключил его из окончательного текста.

Начиная со второй половины XIX века, Пушкину стали приписывать поэму «Тень Баркова» — пространное произведение, не просто переполненное откровенной похабщиной, но и примитивное по самой версификации, невозможной даже для лицейского Пушкина. Это тем более

важно, что после недавнего появления известной книги М. И. Шапира и И.А.Пильщикова произвольность этой интерпретации получила некоторое научное признание. В ближайшее время в Москве в издательстве «Ладомир» должна выйти книга Л. В. Бессмертных с длинным названием: «“Тень Баркова” А. С. Пушкина – первое крупное стихотворение довольно скабрёзного свойства, созданное в мае 1813 года, до поэмы «Монах», которое поэт осудил и «немедленно разорвал» по совету и в присутствии князя А.М.Горчакова, заявившего об этом осенью 1881 г. (по двум новонайденным спискам 1816 и 1820 годов)».

Другой вид литературных фальсификаций основан на стремлении прославить свое имя открытием неизвестного пушкинского текста или хотя бы части его. В 1897 году в мартовском номере журнала «Русский архив» появилось «Окончание Русалки», которое вскоре вошло в отдельную брошюру, под названием «Русалка А. С. Пушкина. Полное издание. По современной записи Д. П. Зуева»¹⁰. В предисловии к журнальной публикации издатель «Русского архива» П. И. Бартнев рассказал историю зуевского окончания: «Пушкин <...> в ноябре 1836 года читал у него (поэта переводчика Э. И. Губера. – А. Д.) свою “Русалку” вполне. На этом чтении присутствовал Дмитрий Павлович Зуев, ныне маститый старец, в то время еще отрок, преисполненный поклонения гению великого поэта, творениями которого и доселе услаждаются дни его. Д. П. Зуев одарен чудесною памятью, которая в молодые лета его отпечатлевала в себе целые страницы прослушанного или прочитанного. По возвращению от Губера он записал для себя последние сцены “Русалки”, наиболее поразившие его и навсегда врезавшиеся в его воспоминание. Они были дважды прочитаны великим поэтом по неотступной просьбе 14-летнего юноши, поддержанной Э. И. Губером»¹¹.

В периодической печати вокруг подлинности «Окончания» разгорелся ожесточенный спор. Зуевский опус подавляющим большинством критиков был признан подделкой. Особенно решительно был настроен А. С. Суворин. Вот что он писал по этому поводу: «Что касается самих стихов, будто бы удержанных в памяти г. Зуевым, то они, по нашему мнению, не заслуживают никакого внимания и читать их рядом с пушкинскими стихами прямо обидно. Между этими новыми стихами столько прозаических, вымученных, плохих, совершенно безграмотных стихов, что удивляешься, как мог П. И. Бартнев серьезно отнестись к этому мнимому “окончанию”»¹².

Д. П. Зуева поддержал филолог Ф. Е. Корш, который выступил в печати с обоснованием правдоподобности зуевского текста. Будущий академик тщательно исследовал стихотворную технику Пушкина, его

ритмы, размеры, рифмы и т. д. и пришел к парадоксальному выводу о подлинности «Окончания»¹³. Раскрыл подделку родственник ее создателя, опубликовавший в газете «Новое время» письмо о том, что Д. П. Зуев в течение многих лет сочинял продолжение «Русалки». Опасаясь разоблачения, он решился обнародовать свое творение только после смерти старшего брата Петра Павловича, который действительно в юности встречался с Пушкиным у Э. И. Губера¹⁴. В 1900 году А. С. Суворин собрал всю полемику вокруг этого вопроса и издал ее под названием «Подделка Русалки» Пушкина.

Долгое время пушкинисты были уверены в отсутствии подделок почерка Пушкина. До тех пор пока не раскрылась нашумевшая история с реликвиями семьи Раменских. В 1963 г. Пушкинский Дом приобрел у бывшего учителя Антонина Аркадьевича Раменского старинную книгу «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов» (Ч. 2. СПб., 1826). Уникальность этой книги определяли содержащиеся на ее страницах пушкинские автографы: начало монолога князя из «Русалки», фрагмент строфы из десятой главы «Евгения Онегина» («Одну Россию в мире видя...»), несколько рисунков, в том числе изображение виселицы с казненными декабристами на титульном листе, владельческая надпись Пушкина и его же дарительная – Ал. Ал. Раменскому. Книга, разумеется, имела славную историю. По словам ее владельца А. А. Раменского, она была в 1829 г. подарена Пушкиным его прадеду Алексею Алексеевичу, учителю с. Берново и Мологино Старицкого уезда Тверской губернии. Пушкинская реликвия бережно хранилась в семье Раменских и передавалась из поколения в поколение. Во время Отечественной войны книга была утрачена и чудом сохранилась в подвале старой церковной сторожки, где и была обнаружена ее последним владельцем. Исследования, проведенные московскими пушкинистами Т. Г. Цявловской и С. М. Бонди при поддержке лаборатории Института марксизм-ленинизма, подтвердили аутентичность пушкинских автографов. Томик Вальтера Скотта передали на постоянное хранение в Пушкинский Дом в фонд А. С. Пушкина¹⁵. Т. Г. Цявловская опубликовала во Временнике Пушкинской комиссии статью об уникальной находке¹⁶. Л. А. Черейский включил имя А. А. Раменского в справочник «Пушкин и его окружение».

Тверское краеведческое пушкиноведение резко пошло на подъем. И тут А. А. Раменского охватила мания новых открытий. Легенда о пушкинской реликвии в его рассказах на глазах перерастала в миф о том, как «осенью 1941 года политрук Красной армии Антонин Раменский, рискуя жизнью, пробрался в уже оставленное с боями родное село и вы-

нес из горящего дома часть пушкинских реликвий»¹⁷. Некоторые из них, в том числе две книги с владельческими надписями Пушкина, а также некоторые личные вещи поэта А. А. Раменский торжественно преподнес в дар московскому и ленинградскому пушкинским музеям. Правда, музейные эксперты уже тогда выразили серьезные сомнения в подлинности этих вещей.

Но вскоре на страницах двух номеров журнала «Новый мир» появилась сенсационная публикация об архиве и библиотеке Раменских, которые якобы долгое время хранились в их доме и погибли в годы Отечественной войны. В публикации сообщалось о десяти тысячах писем, среди которых значились: предсмертное письмо-завещание Александра Радищева, письма Николая Новикова, Андрея Болотова, Матвея Муравьева-Апостола, Софьи Перовской, и др.¹⁸ В приложенной аннотированной описи (в публикации она называлась Актом), где одних только автографов Пушкина было перечислено 136 листов, содержалась копия письма Пушкина Раменскому от 22 июля 1833 года. Отклики на сенсационную публикацию не заставили себя ждать. На страницах «Литературной газеты» в рубрике «Осторожно: сенсация» свое мнение высказали специалисты по истории русской общественной мысли, литературы, культуры. Суть их выступлений сводилась к тому, что документальных материалов, зафиксированных в представленном «Акте», в действительности не существовало и что все это – сплошная фальсификация¹⁹. Что касается пушкинских материалов из этого архива, то сначала С. А. Кибальник в той же «Литературной газете» высказал предположение о неудачной подделке письма Пушкина к Раменскому²⁰, а затем экспертиза, проведенная Т. И. Краснобородько, убедительно подтвердила первую в истории пушкиноведения попытку сознательной подделки Раменскими пушкинских автографов на томике Вальтера Скотта²¹. Любопытно, что подпись Пушкина была скопирована Раменским с обложки тома 16–18 «Литературного наследства».

Иногда спекуляции на имени Пушкина приобретают особенно циничный колорит, как это происходит с изданными в 1986 г. Михаилом Армалинским в США в издательстве «M.I.P. Company» (Миннеаполис) и растиражированными десятками издательств «Тайными записками», украшенными на выходных титулах именем великого поэта. По легенде издателя, изложенной в предисловии, «Тайные записки» представляют собой перевод с французского языка интимного дневника Пушкина. Рукопись была передана ему в Ленинграде накануне отъезда в эмиграцию неким «старым и благообразным» человеком, назвавшимся Николаем Павловичем. Далее Армалинский описывает детективную историю,

как сумку с рукописью, оставленную им у посла, он получает через год после приезда в Америку. Он перепечатывает «Тайные записки» на машинке и вскоре уезжает в командировку. Тем временем рукопись Николая Павловича таинственным образом исчезает из его квартиры. К счастью, уцелела машинописная копия, хранившаяся отдельно от оригинала в той же квартире. Эта копия и является единственным источником текста.

Переведенные на разные языки и опубликованные во многих странах, «Тайные записки» в России долгое время не издавались по причине их скандально-порнографического содержания. Только отдельные фрагменты изредка прорывались в перестроечную российскую печать. В 1995 г. М. Армалинский под именем Михаила Пельцмана, издателя «M.I.P. Company», выступил в петербургской газете «Смена» со статьей «Почему не публикуются “Тайные записки” Пушкина? Возмущенное письмо издателя из Миннесоты коллегам из России». Американский издатель был явно не доволен тем, что, разослав сто семьдесят девять рекламных проспектов, получил всего тринадцать ответов с просьбой прислать экземпляр книги для ознакомления. После получения «Тайных записок» несколько издательств вообще прервали с ним отношения, а остальные вместо конструктивных предложений прислали отказы, несмотря на выгодные коммерческие условия, предлагаемые миннесотским издателем.

Он изложил пять тезисов, согласно которым изданные в России «Тайные записки» непременно станут супербестселлером: «1. Имя Пушкина известно буквально каждому, что гарантирует “узнаваемость” автора. 2. Экстраординарная эротичность этой книги возымеет усиленный эффект на читателей, потому, что она связана с Пушкиным, интерес к которому не иссякает. 3. Высокие литературные достоинства «Тайных записок». 4. Скандал и слухи об этой книге, циркулирующие в СНГ, создали ей предварительную рекламу. 5. Шквал рецензий и полемики в прессе, который неминуемо поднимется после издания «Тайных записок» в России, вызовет дополнительный интерес покупателей»²². Отказ российских коллег от издания заведомого бестселлера, сулящего невероятный коммерческий успех, оказался неожиданным для американского издателя, чем и было вызвано его возмущенное письмо. Издателю из Миннесоты на страницах той же газеты «Смена» ответил заведующий отделом пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН С. А. Фомичев. Он раскрыл коммерческий механизм фальсификации М. Армалинского и сопоставил с сенсационной публикацией в

1927 г. «Дневника» фрейлины последней императрицы – А. А. Вырубовой, впоследствии оказавшегося подделкой²³.

В 1998 г. издательство М.І.Р. запустило полный текст «Тайных записок» в Интернет в качестве «подарка», как было отмечено в книге американского критика Давида Баевского «Парапушкинистика», «русскоязычной общественности (для некоммерческого пользования) в ознаменование приближающейся 200-летней годовщины со дня рождения Пушкина». «Парапушкинистика» – рекламное издание, составленное из противоречивых откликов на «Тайные Записки», опубликованных в русскоязычных СМИ, стала своеобразным спутником изданий М. Армалинского. Она неоднократно дополнялась и переиздавалась. В этой книге приведены цитаты из статей, заметок и интервью Д. С. Лихачева, И. С. Кона, Н. Н. Скатова, С. А. Фомичева, и др.²⁴

В защиту чести и достоинства русского национального поэта выступил академик Д. С. Лихачев. Вот отрывок из стенограммы его интервью ИТАР–ТАСС 17 февраля 1998 г.: «Пушкин нуждается в защите своих текстов, своих прав на произведения. Дело в том, что появляется масса подделок вроде дневников Пушкина ужасающих, ничего с Пушкиным не имеющих, которые никак с Пушкиным не связаны. Появляются они на Западе, и это вызов русской культуре, это записи порнографического характера, которые выдаются за записи Пушкина, и говорится, что мы лицемерим, не печатая эти записки, а это есть замечательное открытие. Никакого открытия эти записки не представляют, потому что они бессмысленны и ничего не прибавляют к творчеству Пушкина, а только оскорбляют его память. Защита его от подобного навязывания ему того, что ему не принадлежит, должна быть обязательно».

Несмотря на резкий протест со стороны ученых, «Тайные записки» продолжали распространяться и через два года после пушкинского юбилея были изданы в Москве научно-издательским центром «Ладомир» в серии «Русская потаенная литература». По данным автора предисловия к русскому изданию Ольги Воздвиженской на май 2001 г. книга переведена уже на восемнадцать языков²⁵. Многие читатели искренне недоумевали по поводу авторства этой книги. С одной стороны – название на титульном листе: «Тайные записки А. С. Пушкина. 1836–1837. Перевод с французского. Публикация Михаила Армалинского». С другой стороны – во вступительной статье О. Воздвиженской мелким шрифтом сообщалось: «Михаил Армалинский нигде и никогда не настаивал, что это подлинный пушкинский текст»²⁶.

Недогадливым читателям на страницах «Литературной газеты» ответил московский пушкинист В. Непомнящий. Разделяя точку зрения

Д. С. Лихачева, Н. Н. Скатова, С. А. Фомичева и др., В. Непомнящий охарактеризовал «Тайные записки» как «коммерческое предприятие в виде литературной фальсификации». В. Непомнящий подчеркнул, что вопрос об авторстве – для русского читателя основополагающий – американскими издателями практически даже не обсуждался. Ибо их цель – исключительно коммерческая: «привлечь читателя похабным мифом о поэте, апеллируя к сладострастному любопытству как таковому в качестве “двигателя торговли”»²⁷. Характерно, что и О. Воздвиженскую вопрос об авторстве тоже не слишком-то волнует: «Не будем вдаваться в дискуссию – автор ли этого текста А. С. Пушкин или только литературный герой; а если автор не Пушкин, то кто; так или нет было все на самом деле; на балу или в борделе познакомился русский поэт с французским офицером, каковое знакомство оказалось столь роковым. Но нужно признать, что изображение внутренней жизни мужчины, борьбы между страстями и нравственными установлениями, размышления о природе любви, творчества, греха, наслаждения, жизни, смерти и судьбы – все это делает «Записки» не столько свидетельством эпохи, сколько документом человеческой души...»²⁸. Но вопрос в том и состоит, что ни к авторству, ни к литературному персонажу «Тайных записок» Пушкин, безусловно, не имеет ни малейшего отношения. И читатели «Повестей Белкина» и «Капитанской дочки», «Истории Пугачева» и «Истории Петра», не говоря уже о подлинном «Дневнике» Пушкина 1833–1835 гг., все это прекрасно понимают. Необходимо снять маски и признать, что в роли автора, дурачащего публику, и мифического персонажа – своеобразного русского Приапа – здесь выступает сам М. Армалинский. Тем не менее, согласно опубликованному в газете «Известия» рейтингу, «Тайные записки» вошли в десятку самых продаваемых в Москве книг. Более того, в Санкт-Петербурге Издательский Дом «Ретро» дважды переиздает эту книгу тиражом 1000 экземпляров. Причем текст в издании 2006 г. приводится параллельно на русском и английском языках. То есть русскоязычный читатель вполне может теперь изучать английский язык по «Тайным запискам». И наоборот. Рассуждая о причинах популярности «Тайных записок» у массового читателя, О. Воздвиженская констатирует: «Потребность в сексуальном мифе и сексуальном герое при всеобщей российской неудовлетворенности в этой сфере — не на деле, но в мыслях — весьма велика во все времена. Так мог ли пушкинский миф обойтись без этой темы? И мог ли Пушкин, самая яркая личность в русской истории, не стать объектом пристального внимания на предмет своей интимной жизни – и, как следствие, героем сексуального мифа?»²⁹.

В итоге раскрученные издателями «Тайные записки» ставятся в один ряд с литературными мистификациями Пушкина. Реализуются хлестковские претензии автора и издателей быть «с Пушкиным на одной ноге». Мол, «и сам поэт Александр Сергеевич Пушкин выступал как публикатор наследия покойного прозаика Ивана Петровича Белкина, «автора повестей», а другой раз вывел самого себя в третьем лице под инициалом – латинской литерой Р. – в «Романе в письмах»³⁰. Даже неискушенный в литературоведческих хитросплетениях читатель в состоянии понять, что «Тайные записки» и упомянутые произведения Пушкина – это две большие разницы. На одном полюсе – изящная пушкинская литературная игра, на другом – низкопробный, порнографический текст. Играя с читателем, Пушкин делает авторами и героями своих произведений вымышленных И.П. Белкина и П.А. Гринева. М. Армалинский эксплуатирует в качестве автора-эротомана и «героя сексуального мифа» имя русского национального поэта. Пушкинский читатель и в кошмарном сне не мог бы представить себе, скажем, Петрушу Гринева развлекающимся в борделе вместе со своим антагонистом Швабриным. Примерно так, как это происходит на страницах «Тайных записок, где в подобном заведении встречается вымышленный Пушкин с вымышленным Дантесом. Но для потехи черни все средства хороши. Не об этом ли писал Вяземскому Пушкин: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабым могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. *Он мал как мы, он мерзок как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе» (XIII, 243–244).

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М, 1966-1967. Т. III, С. 187.

² Гоголь Н. В. Там же. Т. VI. С. 69.

³ 1) Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского <Н. В. Гербеля>. Берлин, 1861; 2) Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861.

⁴ Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. Новое время. СПб. 1903. №№ 9845 и 9851, 2, 8 августа. Отдельное издание с тем же названием: СПб., 1903.

⁵ Там же. С. 30-31.

⁶ См.: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 137

⁷ См.: Петров А. Н. Скобелев и Пушкин // Русская старина. 1871. № 12. С. 670, 673.

⁸ РО ПД. Ф. 244. Оп. 16. № 171. Опубл.: Всемирный вестник. 1905. № 7. С. 265–288. Об этом деле см.: Щеголев П. Е. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826-1828 гг. // Пушкин и его современники. 1909. Вып. 11. С. 1-51; Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 327–335; Демиховская О., Демиховский К. Тайный враг Пушкина (О неизвестном письме А. Ф. Леопольдова шефу жандармов) // Русская литература. 1963. № 3. С. 87.

⁹ Из первой редакции письма Жуковского к Бенкендорфу, февраль-март 1837. Цит. по кн.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М., 1987. С. 208.

- ¹⁰ Русский архив. 1897. Кн. 1. Вып. 3. С. 341-372. Отдельное издание: «Русалка» А. С. Пушкина. Полное издание. По современной записи Д. П. Зуева. М., 1897.
- ¹¹ Цит. по кн.: Подделка «Русалки» Пушкина. Сборник статей и заметок. Составил А. С. Суворин. СПб., 1900. С. 41.
- ¹² Новое время. 1897, № 7636, 18 февраля. Перепеч.: Подделка «Русалки» Пушкина. С. 60.
- ¹³ Известия ОЛЯ АН. 1898. Т. 3. Кн. 3: 18. Т. 4. Кн. 1-2.
- ¹⁴ Новое время. 1900, № 8593. 29 января.
- ¹⁵ РО ПД. ф. 244. Оп. 1. № 1733.
- ¹⁶ Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии. 1963. С. 5–30. Там же см. сводку литературы по этому вопросу.
- ¹⁷ Никитин А. Г. Пушкин и Урал. По следам находок и утрат. Пермь, 1984. С. 260.
- ¹⁸ «Обратить в пользу для потомков...» / Публ., предисл. и примеч. Михаила Маковеева // Новый мир. 1985. № 8. С. 195–212; № 9. С. 218–236.
- ¹⁹ См.: Публикации под рубрикой: «Осторожно: сенсация» / Литературная газета. 1986. № 22. 28 мая 28.
- ²⁰ Кибальник С. «Мнимый Пушкин». Там же.
- ²¹ Краснобородько Т. И. История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 269–281.
- ²² Смена. 1995. № 29 (21016). 7 февраля.
- ²³ См.: Смена. 1995. 31 марта.
- ²⁴ Баевский Д. Парашукинистика. Издание юбилейное, третье и дополненное. Minneapolis, Minnesota. 1999. 238 с.
- ²⁵ Воздвиженская О. Чей Пушкин? / Тайные записки А. С. Пушкина 1836–1837. Перевод с французского. М., 2001. С. 7-9.
- ²⁶ Там же. С. 7.
- ²⁷ Непомнящий В. Бизнес на имени Пушкина // Литературная газета. 2001. № 50–51 (5860). 12–18 декабря.
- ²⁸ Воздвиженская О. Чей Пушкин? С. 10
- ²⁹ Там же. С. 12.
- ³⁰ Там же. С. 14.

Е. Н. Пенская (Москва)

СУХОНИН П. П. И ЕГО СОЧИНЕНИЯ В ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1840-1890-Х ГОДОВ

П. П. Сухонин (псевдоним Шардин) (1821–1884) – беллетрист, писатель; состоял на морской службе, служил чиновником особых поручений при товарище министра народного просвещения и в министерстве финансов. После выхода в отставку занимался исключительно литературной деятельностью. Однако тридцатилетнее служение Сухонина литературе начиналось еще в 1850-е годы, и писательство долгое время

Псковский государственный университет

**Эпические жанры в литературном процессе
XVIII-XXI веков:
забытое и «второстепенное»**

**VII МАЙМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
5-9 октября 2011 г.**

Том II

Псков
2011